

Крепостной вопрос накануне законодательного его возбуждения

(Отзыв на сочинения Ю. Ф. Самарина, т. 2. "Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 г.")

В. О. Ключевской. Сочинения в восьми томах.

Том VII. Исследования, рецензии, речи (1866-1890)

М., Издательство социально-экономической литературы, 1959

OCR Бычков М. Н.

Весь этот том, несмотря на внешнее разнообразие помещенных в нем статей, отличается внутренним единством и цельностью. Издатель Д. Ф. Самарин соединил в нем сочинения покойного своего брата по крестьянскому делу, написанные до рескрипта 20 ноября 1857 г., следовательно, в ту еще пору, когда вопрос об отмене крепостного права оставался человеколюбивым мечтанием немногих или только что -- и притом весьма негласно -- начинал подготавливаться к законодательному разрешению. Кроме довольно обширного и уже прежде известного исследования об упразднении крепостного права в Пруссии, составленного в 1856--1858 гг., все остальные статьи этого тома являются в печати впервые. Здесь прежде всего заслуживает внимания большая, продуманная и обработанная записка "О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе"; автор работал над ней года три, несколько раз переделывал, переписывал и пустил в рукописное обращение к осени 1856 г. В тесной связи с ней находятся четыре записки о некоторых частных вопросах, возбужденных крестьянской реформой, и еще пятая записка -- "О мерах для смягчения и облегчения крепостного состояния".

Все эти записки составлены были в 1857 г. и вызваны постановлениями открытого тогда еще в С.-Петербурге секретного комитета по крестьянскому делу, работами которого началось практическое разрешение этого трудного и великого вопроса. Здесь находим также неоконченную "программу сведений, необходимых для определения законодательным порядком отношений помещиков к крестьянам", предназначавшуюся для того же комитета, и несколько других разновременных заметок и отрывков по крестьянскому делу. Том начинается отрывочными заметками об инвентариях, введенных в юго-западных губерниях в 1847 и 1848 гг. Все эти статьи изданы большею частью по черновым рукописям автора и пояснены примечаниями издателя со всей внимательностью, какой заслуживают труды такого писателя.

Итак, по всему тому проходит одна тема, с первой страницы до последней проведена одна мысль, которая не покидала автора даже при изучении им судьбы прусского крепостного права. В набросанных наскоро заметках и трудолюбиво обработанных трактатах читаем размышления, наблюдения и проекты образованного и умного помещика, который задолго до законодательного разрешения крестьянского вопроса много передумал о том, как лучше разрешить его. Эта дума стала задачей его жизни; для нее собирал он наблюдения и указания на службе в комитете по устройству быта лифляндеких крестьян, и в истории прусского землевладения, и в крепостной самарской деревне: она заставляла его, философа и богослова, сделаться сельским хозяином. Издатель привел в предисловии любопытные слова из письма Ю. Ф. Самарина: "Мы должны, -- писал он из деревни еще в 1853 г., -- свое дело сделать, т. е. освободить труд; все мои занятия направлены к этой отдаленной цели. Теперь я составляю подробную статистику имения; мне хочется до возможной точности определить сумму вынуждаемого труда и вывести его несоразмерность"¹.

Благодаря этому книга читается с напряженным интересом. Люди, которым она только напоминает, что они думали в те годы, может быть, удивятся такому запоздалому действию мыслей, давно ими передуманных и частью забытых, но те, кто едва успел прочитать Корнелия Непота, когда был учрежден секретный комитет 1857 г., найдут в записках Самарина много нового и даже совсем неожиданного.

Исторический веред, каким было крепостное право на теле русского общества, созрел и готов был прорваться социальной катастрофой. Просвещеннейшее меньшинство дворянства сознавало необходимость предупредить беду своевременным отречением от того, что опасно было отстаивать долее. Это сознание выразилось в появлении множества "записок об упразднении крепостного права", которые в 1856 и 1857 гг. ходили по рукам в Москве и Петербурге и оттуда распространялись по всей России.